

**О ПОТЕНЦИАЛЬНОМ И УЗУАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ
ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ****М.М. ДЖАФАРОВ***Бакинский Государственный Университет*

Обзор лингвистической литературы показывает, что семантическое содержание производных слов остаётся менее изученным, чем их формальные признаки. Между тем «описание семантических особенностей производных слов и присущих им словообразовательных значений играет немаловажную роль для построения общих семантических концепций» (3, 82).

Особый интерес представляют формально-семантические отношения между исходными (производящими) словами и их производными, хотя эти отношения могут быть нестабильными, так как обычно подвергаются влиянию глобальных лексико-семантических изменений. И это не случайно, «внутри глобальной системы языка нет неизменяющихся участков. Любые языковые элементы нестатичны по своей природе. Но даже на этом фоне словообразование выступает как особенно динамичная и подвижная система, характеризующаяся почти неограниченными возможностями постоянного расширения и обогащения» (4, 379).

Это обстоятельство свидетельствует о необходимости изучения роли словопроизводственного механизма в совершенствовании функциональных возможностей словарного состава, а также языка в целом.

Достаточно обратиться к статистическим данным, чтобы убедиться в том, каким потенциалом обладает словообразование, и какое внушительное число производных возникло в русском языке за его многовековую историю.

Так, по подсчётам А.И.Моисеева в русском языке на 22 тысячи непродных слов приходится более 100 тысяч производных (соотношение 1 к 5) (7, 3).

Эти данные наглядно показывают, каким обширным является корпус производных лексем в русском языке. Историко-лексикологические исследования свидетельствуют о том, что благодаря активным процессам словообразования на протяжении многих веков создано значительное количество производных слов, значение которых нередко подвергалось различного рода изменениям. Поэтому, как справедливо отмечает В.В.Виноградов, «изучение закономерностей развития словарного состава языка также невозможно без глубокого проникновения в существо исторических изменений значений слов» (1, 162).

Лексико-семантические процессы, протекающие в истории языка, имеют двойное отношение к словообразованию (деривации) и производным (дериватам). С одной стороны, деривация служит одним из средств обогащения словарного состава за счёт производных, с другой – характер и активность деривации

онных процессов во многом зависит от языковой ситуации в конкретную эпоху.

Специфической чертой словообразования можно считать то, что далеко не каждый дериват реализует полный набор значений, постоянно присущий словам определённого типа. Отдельные значения могут существовать в составе семантической парадигмы того или иного деривата только потенциально. Причём это могут быть прямые и переносные значения. Дериват сохраняет своё корневое значение до тех пор, пока имеется связь с исходным, производящим словом. А такая связь почти никогда не утрачивается полностью. В семантике производного слова в скрытой форме всегда сохраняется хотя бы след прямого деривационного значения. Ср.: *лес-лесник* «1. Лесной сторож. 2. Работник лесного хозяйства», *кожа-кожаный* «сделанный из кожи».

Действительно, производное слово, в отличие от простого слова, передаёт своё значение посредством указания на другое, уже имеющееся в языке наименование и черпает свое значение из мотивирующего его слова (5, 8). Ср.: *синяк* – «посиневший кровоподтёк на теле», *дождевик* (1) – «определённый вид верхней одежды, служащей для защиты от дождя» и *дождевик* (2) – «определённый вид грибов, появляющихся после дождя».

Исходя из этого, учёные считают, что область референции каждого производного слова можно описать обычным способом – указанием на тот фрагмент действительности, обозначением которого служит данное слово, безотносительно к другим словам языка. Однако мы можем осуществить это описание, указав на тот фрагмент действительности, по сравнению с которым или на основе которого было создано данное производное слово (5, 9).

Подобное свойство слов, синтезирующих в себе исходное (корневое) и приобретенное значение, учёные называют свойством *двойной референции*: референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации. Первое отражает наличие у производного слова индивидуального лексического значения, второе указывает на источник этого значения и особую форму его существования (5, 10).

В соответствии с двойной референцией строятся и формально-смысловые отношения между дериватами и их производящими. Эти отношения обнаруживают себя более наглядно, когда они прослеживаются хронологически в рамках определённой исторической эпохи. С этой точки зрения значительный интерес представляют такие композитные образования, как *верхогляд*, *белоручка*, *буквоед*, *бумагомаратель*, *головорез*, *живодёр*, *кровопийца*, *крохобор*, *лежебока*, *молокосос*, *пустомеля*, *пустоцвет* и т. д.

Рассмотрим некоторые из них.

Верхогляд. Область референции этого слова может быть объяснена указанием на узуальное значение «несерьёзно, поверхностно относящийся к чему – л.» или отсылкой на действие лица, которое «при исполнении дела праздно смотрит по сторонам, зевака» (Сл РЯ XI-XVII в., в.2, с.105).

Будучи хронологически первичным, второе из этих значений в современном языке превратилось в потенциальное, т.к. теперь оно воспринимается как этимологическое, непосредственно связанное со значениями корневых элементов. Об этом свидетельствуют и конкретные случаи употребления данного слова

в более ранний период, например, в XVII-XVIII вв. Ср.:... поверх хором и по окнам не смотри, зри на землю: чего не найдёшь, и ты ноги не расшибешь и люди тебя похвалят: не *верхогляд* де, добрый человек (Сл. РЯ XI-XVII вв., в.2, с.105); Крестьянин смеется Астроному как пустому *верхогляду* (Ломоносов. Явление Венеры...).

Реализованный здесь оценочный оттенок (САР I снабдил его пометой - просторечн. уничижительн. в просторечном употреблении) обусловил дальнейшую концентрацию этой оценочности в более отвлечённом значении «человек, неспособный к серьёзному пониманию, изучению чего-либо; не основательный, поверхностный наблюдатель» (ССРЛЯ, т.2, с.208). Правда, данное значение впервые отмечено также в Словаре Даля и несколько раньше, ещё в Пушкинскую эпоху, нашло свою реализацию в конкретном употреблении: Издав сии два тома, г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. Те из них, которые не суть ещё закоренелые *верхогляды*, принуждены будут в том сознаться (Словарь яз. Пушкина, т.1, с.246).

К середине XIX века у слова *верхогляд* ещё большее развитие получает отвлечённо-оценочное, характеризующее значение. Не случайно данное слово чаще всего встречается в литературно-критических работах, где так или иначе, выражается субъективное отношение автора к художественным образам, литературным героям. Обратимся к конкретным примерам из работ известных критиков середины и второй половины XIX века: Люди, которым не дано способности углубляться в сущность вещей, разделяются на староверов и на *верхоглядов* (Белинский. Статьи о Пушкине, XII, 1). Юсов простодушно признает, что он гордости ни с кем не имеет, только вот *верхоглядов* не любит, нынешних образованных – то (Добролюбов. Темное царство).

Наряду с отмеченным распространенным значением слово *верхогляд* могло выступать и в менее известных локальных значениях, зафиксированных в Словаре Даля: 1) родовое название рыбы; 2) крюк или гвоздь, на которые вешают (т.1, с.185).

Как показывают данные различных источников, слово *верхогляд* и по сей день продолжает употребляться в говорах только в своем конкретно-действенном значении – «1. Тот, кто ходит высоко подняв голову: У *верхогляда* ноги болят, он спотыкается. 2. Крюк или гвоздь в избе, используемый как вешелка (Словарь русск. нар. гов., т.IV, с. 167)».

Итак, сравнивая два значения слова *верхогляд*, первоначальное и вторичное, можно заметить, что последнее получило развитие на базе первого. Существенно и то, что первоначальное значение данного слова воспринимается в современном языке как потенциальное (оно достаточно ясно соотносится с производящими элементами), а вторичное значение – как узуальное, соответствующее современным нормам словоупотребления.

Белоручка. У слова *белоручка* значение «о том, кто избегает физического труда, трудной, грязной работы» (МАС, т.1, 469), формировалось на базе устаревшего, просторечного значения прилагательного *белый* «чистый». Словари не фиксируют особых изменений в смысловом наполнении композита *белоручка* на всем протяжении его бытования в языке, т.е. начиная со второй половины XVIII

в., хотя в его стилистической характеристике произошли определенные сдвиги: САР I и САР II отмечают его простонародность, тогда как современные словари приводят данное слово без каких-либо помет (словарь XVIII в. ограничивается только отсылкой на САР I и фиксирует слово *белоручка* без иллюстративного примера).

Материалы нашей выборки показывают, что до середины XIX века функциональные возможности композита *белоручка* оставались ограниченными. Только в указанный период начинается активизация этого слова в различных жанрах литературной речи: Уж я (Хорь) тебя знаю, *белоручка* ты (Федя) этакой! (Тургенев. Хорь и Калиныч); - Чернорабочий я – не *белоручка!* – говаривал ты нам. (Медвежья охота); Руки его были беленькие, чистенькие;... пальцы оканчивались щеголеватыми, длиннейшими розовыми ногтями. Все это показывало баловня, франта и *белоручку* (Достоевский. Село Степанчиково).

В последнем из этих примеров мы находим ещё одно подтверждение тому, что понятия белизны и чистоты настолько близки и взаимообусловлены, что их совмещение в семантической структуре одной лексической единицы оказывается вполне закономерным. Вместе с тем признаковые значения (цветовое и физическое состояния) у слова *белый* в составе слова *белоручка* приобретают более отвлечённый, социально-оценочный характер, а в однокоренном композите сохраняется в своем первоначальном виде «белого цвета». Ср.: *белорукий* «имеющий белые руки» СлРЯ XI-XVII вв., вып.1, с. 136). Можно предполагать, что в этом случае немаловажную роль сыграл и хронологический фактор: в более древнем образовании *белорукий* (с XIII в.) этимологическое значение оказалось весьма устойчивым, что позволило его семантическому обособлению от субстантивного коррелята (*белоручка*). Ср. эти слова в следующих примерах: Песню же стала сама *белорукая* петь Невзикая (жуковский. Одиссея); К дяде Коле приходил штабс-капитан Иванов – чистенький, *белорукий*, с тщательно заострённой светлой бородкой (Паустовский. Повести о жизни); То усмехнусь, то робко приосанюсь. И с *белорукой* тростью выхожу (Мандельштам. Собр. соч. в 2-х т., т.I, с. 179).

Таким образом, в результате эволюции цветового содержания основы *бело-*, у слова *белоручка* сформировалось социально-оценочное значение, обособившее его не только от однокоренного коррелята (*белорукий*), но и от остальной массы сложений с указанным компонентом.

Ср. примеры из САР II, в которых реализовано исходное цветовое значение основы *бело* - :

белобородый – «имеющий белую бороду»;

белобрысый – «говорится о людях, имеющих белые брови и ресницы»;

белобрюхий – «имеющий на брюхе шерсть или перья белые»;

белокурый – «светловолосый, имеющий беловатые волосы»;

белотелый – «имеющий белое тело или кожу».

К этим примерам можно добавить такие слова из МАС, как *белобокый*, *белоглазка*, *белоголовый*, *белогрудый*, *белокаменный*, *белокровие*, *белолицый*, *белолобый*, *белоснежный* и некоторые другие.

Вместе с тем среди сложений данной группы зафиксирован и такой композит, в котором компонент *бело* – имел иное смысловое наполнение.

Это касается терминов *белопоместный* и *белопоместец* («свободный от подати, от пошлины, от оброку» - САР II), которые со временем утратились из языка и не дошли до наших дней. Однако сам факт наличия этих терминов в истории русского языка свидетельствует о больших возможностях семантического расширения лексических единиц.

Действительно, то или иное значение исходной лексической единицы может быть реализовано только в одном производном слове и развиваться в последнем в иной плоскости. В этом залог расширения функциональных возможностей лексических элементов, призванных служить наименованием разнообразных понятий, а также предметов и явлений окружающей действительности (2, 83).

Таким образом, в семантической структуре производного слова узуальное и потенциальное значения могут находиться в разных соотношениях. Исходное значение лексической единицы может оставаться её основным узуальным значением на протяжении многих веков, но со временем, превратившись в потенциальное значение, оно может уступить свою позицию одному из вторичных значений. Потенциальное значение как имплицитное явление может сохранять непосредственную связь с этимологическим значением корневой морфемы и служить источником формирования новых значений в соответствии с потребностями языковой номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977, 312 с.
2. Джафаров М.М. Структурно-семантическое развитие сложений в русском языке XVII-XX вв. Баку: 1993, 125 с.
3. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980, 356 с.
4. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание (Внутренняя структура языка). М.: 1972, 565 с.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981, 200 с.
6. Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития (на материале русского литературного языка XVIII века). Авторефер. дис. канд. филол. наук. Киев: 1987, 23 с.
7. Моисеев А.И. Словообразование современного русского языка. Л.: 1985, 206 с.

DÜZƏLTMƏ SÖZLƏRİN POTENSİAL VƏ ÜMUMİŞLƏK MƏNASINA DAİR

M.M.CƏFƏROV

XÜLASƏ

Məqalədə göstərilir ki, düzəltmə sözlərin ilkin mənası bəzən ümumişlək səviyyəyə çıxma bilmir. Belə hallarda həmin məna sözün semantik strukturunda potensial məna kimi qalır. Bununla belə düzəltmə söz öz kökünə məxsus olan ilkin mənanı əsas sözlə əlaqədə olarkən daşıya bilir. Əksər hallarda düzəltmə sözün ləksik mənasında etimoloji mənanın izini görmək olar. Buna misal olaraq məqalədə «верхогляд və белоручка» kimi rus sözləri XVII əsrdən başlayaraq araşdırılır. Nəticədə potensial mənanın etimoloji məna ilə sıx bağlı olması şərh edilir.

**ON THE POTENTIAL AND THE COLLOQUIAL MEANINGS
OF DERIVATIVE WORDS**

M.M.JAFAROV

SUMMARY

The article deals with the initial meanings of the derivative words which can't come to the level of the words of common use. In such cases this meaning stays as the potential meaning in the semantic structure of words. However, such kind of derivative word may express its root meaning during the connection with the stem. In most cases in lexical meaning of the derivative words one can see the traces of the etymological meaning. It is possible to notice it on the basis of the Russian words «verkhogliad» and «beloruchka» which have been studied since XVII century. In the end close connection of the potential meaning with the etymological meaning is interpreted.